

— Хе-хе, — Лю Яоцин тоже усмехнулся, бросив маленькую лопатку на землю и хлопнув в ладоши. — Сегодня я не буду использовать большую жгучую траву и не стану упоминать о твоём визите к теплице, но я могу разрушить твой дом. Веришь?

Увидев, как красивое лицо Лю Яоцина озаряется мягкой улыбкой, Ню Лаоэр на мгновение замер, а затем начал похабно оглядывать его с ног до головы, непристойно облизывая губы.

— Береги свои глаза, — Чжэцзы-гэ быстро среагировал и ударил Ню Лаоэра по голове.

Лю Яоцин даже не успел ничего сказать, как Чжэцзы-гэ уже действовал.

— Чжэцзы-гэ, давай приведём его к старосте, — Лю Яоцин тоже был зол, но понимал, что сейчас, даже если они изобьют Ню Лаоэра, это не решит проблему. Более того, Ню Лаоэр может обернуть всё против них, испортив их репутацию.

Если уж действовать, то делать это нужно открыто и честно.

Пятый дядя Лю как раз занимался плетением верёвок дома, когда увидел, как Чжэцзы ведёт Ню Лаоэра. Он сначала удивился, а затем нахмурился:

— Что он сделал? Неужели обидел Цин-гэра?

Все знали, что Ню Лаоэр — не самый приятный человек, и Пятый дядя Лю сразу же забеспокоился.

— Нет, — Лю Яоцин подошёл ближе и начал подробно объяснять. — Пятый дядя, я думаю, что недавний императорский указ касается не только меня и Чжэцзы, но и всей нашей деревни. В семье Ню Лаоэра есть серьёзные проблемы, и если об этом узнают власти, они наверняка задумаются, что за место такая эта деревня Шангу...

Раньше Лю Яоцин не вмешивался в дела деревни, считая, что он один не может повлиять на всю деревню. Но теперь, с появлением императорского указа, всё изменилось.

Неважно, помнит ли император Лю Яоцина, для деревни Шангу этот указ был как явление самого небожителя, создавшего вино «Нектар небожителей». Это было событие огромной важности.

— Ты прав, — Пятый дядя Лю почувствовал, что должен держаться с достоинством. Будущее деревни Шангу должно измениться.

Эти слова были сказаны прямо перед Ню Лаоэром, и, закончив говорить, Лю Яоцин попросил Пятого дядю собрать людей и отправиться в дом семьи Ню.

Старик Ню сидел во дворе, греясь на солнце и ругаясь на своего супруга за то, что он плохо справляется с работой. Никто не знал, как звали супруга старика Ню, но все знали, что он сбежал в деревню Шангу во время голода, и старик Ню обманом привёл его домой, где он родил трёх сыновей.

— Дедушка, отдохайте, — Лю Яоцин подошёл к старику, вежливо поприветствовав его. Он заметил, что старик был худым и измождённым, хотя был моложе старика Ню, но выглядел на двадцать лет старше.

— Это же Цин-гэр, — старик плохо видел, но, присмотревшись, узнал его.

— Да, это я, дедушка. Вы уже поели? Я принёс лепёшки, их можно размочить в бульоне, — Лю Яоцин сказал, а Юй-гэр, держа корзину, достал лепёшки и мясной бульон.

Лепёшки были только что испечены из свежего зерна, их аромат был сильным, а бульон, сваренный на костях, был молочно-белого цвета и обладал насыщенным запахом.

— Как это можно... — старик дрожащим голосом произнёс, оглядываясь на старика Нью.

Старик Нью фыркнул, и старик замолчал.

— Бао-гэр тоже дома? — Лю Яоцин успокаивающе похлопал старика по руке и громко позвал Бао-гэра, супруга Нью Лаоэра.

Он был несчастным. В родительском доме с ним обращались как с вещью, только били и ругали. Потом он заболел, и когда ему уже было плохо, Нью Лаоэр забрал его за мешок грубого зерна, чтобы сделать своим супругом. Бао-гэр выжил, но стал замкнутым и медлительным.

Нью Лаоэр не устраивал свадьбу и не считал Бао-гэра своим настоящим супругом, заставляя его работать и постоянно избивая.

Юй-гэр увидел, что Бао-гэр был в доме, и, фыркнув, вытащил его наружу. Одежда Бао-гэра была рваной, и сквозь неё виднелись синяки и ссадины. Юй-гэр закатал его рукав, показав шрамы, некоторые из которых ещё кровоточили.

Все, кто видел это, почувствовали жалость, особенно Лю Яоцин.

— Хотя это дело семьи Нью, но теперь наша деревня Шангу изменилась, и сегодня я, Лю Яоцин, возьмусь за это, — Лю Яоцин открыто заявил перед всеми. — Юй-гэр, размочи лепёшки и дай Бао-гэру поесть досыта.

— Теперь наша деревня другая... — Пятый дядя Лю подхватил слова Лю Яоцина, повторив то, что он сказал ранее. Люди, которые раньше считали это делом семьи Нью и не хотели вмешиваться, теперь поняли, что молчать больше нельзя.

Тогда несколько мужчин, не выдержавших этого зрелища, зашли в дом и вытащили Нью Лаода и Нью Лаосаня, поставив их в центре двора вместе с Нью Лаоэром и стариком Нью, окружив их.

Пятый дядя Лю закончил говорить и повернулся к Лю Яоцину:

— Цин-гэр, как ты думаешь поступить?

— Бао-гэр, дедушка, вы хотите жить самостоятельно? — Лю Яоцин повернулся к двум людям, которые медленно ели размоченные лепёшки.

Юй-гэр достал из кармана кусочек сахара, который он держал как лакомство, и сунул его в руку Бао-гэра, слёзы капали из его глаз. Бао-гэр был ещё молод, но теперь, покрытый ранами, он ел лепёшки, и слёзы текли по его лицу. В этот момент он почувствовал, что может умереть без сожалений.

Мутные глаза старика снова внимательно посмотрели на Лю Яоцина, и он вздохнул:

— Я уже стар, живу или умираю — не важно, но Бао-гэр ещё молод. Если ты, Цин-гэр, можешь, дай ему возможность жить спокойно.

— Бао-гэр, а ты? — Лю Яоцин кивнул и снова спросил Бао-гэра.

— Я? Я хочу умереть... — Бао-гэр плакал так сильно, что слёзы смешивались с соплями, его лицо было некрасивым, худым, как скелет, но Лю Яоцин не отвернулся, а похлопал его по плечу, молча утешая.

— Я думаю, пусть Бао-гэр и дедушка переедут в дом на горе, я найду для них работу, — спокойно сказал Лю Яоцин. — Что касается семьи Ню, все должны следить за ними, и если они снова начнут безобразничать, отправляйте их прямо в ямэнь.

Эти слова не вызвали возражений.

Лю Яоцин теперь представлял не только себя, но и всю деревню Шангу, а также императорский указ. Каждое его слово было тяжёлым, как гора, и даже семья Ню, привыкшая к беспорядку, только злобно смотрела, но не решалась что-либо сделать.

У семьи Ню не было никакого имущества, обычно старик и Бао-гэр работали в поле. Двое гэров были слабее, чем обычные мужчины, и могли делать только ограниченную работу, поэтому урожай был небольшим. После уплаты налога на зерно всё, что оставалось, съедали мужчины семьи Ню, а Бао-гэр мог только есть дикие травы, иначе бы он давно умер от голода.

Лю Яоцин и Пятый дядя Лю вместе занялись этим делом, а Чжэцзы-гэ помог оформить официальные документы о разводе для Бао-гэра и старика. В тот же день они переехали в дом на горе.

Маленькая отдельная комната, с двухъярусной кроватью: Бао-гэр спал наверху, старик внизу. Всё остальное было похоже на комнаты, где жил Су Ци и другие.

Лю Яоцин попросил принести мазь от ран, которую купил у врача, и велел Бао-гэру вымыться и нанести её, а на следующий день начать работать.

Лю Яоцин не собирался содержать бездельников, он хотел показать деревенским жителям, что он не просто так содержит Бао-гэра и старика.

По словам Су Да, в ту ночь Бао-гэр и старик плакали до полуночи, но на следующий день на их лицах были улыбки. Они встали рано утром, вместе с Су Да и другими пошли к ручью умываться, ожидая, когда Лю Яоцин даст им работу.

— Чжэцзы-гэ, я правильно поступил? — Лю Яоцин всё ещё волновался. — Но это было необходимо, иначе Бао-гэр и его дедушка вряд ли бы долго прожили.

Держа за руку Лю Яоцина, Чжэцзы-гэ тоже выглядел серьёзным:

— Хорошо, что семья Ню в нашей деревне одна. Если бы их было больше, развод было бы сложнее оформить.

— Я знаю, поэтому мы должны стать сильнее, — Лю Яоцин сжал кулак, и в его голове появилась мысль о том, чтобы найти поддержку у властей. Но пока что это было преждевременно, и нужно было подождать.

Придя в дом на горе, Лю Яоцин немного поговорил с Бао-гэром, а затем повёл его и старика в теплицу.

<http://bllate.org/book/16688/1531953>